

М.А.Шабанова,
кандидат экономических наук.
Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН

Индивидуальная и социетальная свободы в реформируемой России¹

Одной из главных целей начатых в обществе преобразований, как известно, объявлялся переход к более свободно-му и процветающему обществу. Но как только встает задача понять, насколько в ходе реформ удалось продвинуться к этой цели, как только требуется оценить современный трансформационный процесс в России в контексте свободы, то сразу возникает вопрос: в контексте какой свободы это делать? Для инициаторов реформ, разумеется, существует только один ответ в контексте свободы западного образца (иначе какая же это свобода?!), а значит, в контексте такой свободы, которая на социетальном уровне предстанет в виде рынка и политической демократии, а на индивидуальном уровне будет выражаться в независимых и самостоятельных действиях социальных субъектов, которые пострадали от отсутствия свободы в коммунистическом обществе и с радостью воспользуются новыми возможностями.

В целях перехода к свободе западного образца реформаторы не только провозгласили новые права, но и начали реализовывать

---

¹ Социологическое исследование проведено при финансовой поддержке, предоставленной в рамках конкурса индивидуальных исследовательских проектов Программы по глобальной безопасности и устойчивому развитию Фонда Джона Д. и Кэтрин Т.МакАртуров, грант № 98-52208

Выборочная совокупность (N=602 человека, г. Новосибирск, N=340 человек, разные типы сел Новосибирской области) репрезентирует генеральную по полу и возрасту трудоспособного населения (конец 1998 г — начало 1999 г)

их, ослабляя (или ликвидируя совсем) многие из прошлых, административно-командных ограничителей свободы. В самом деле, ряд отраслей больше не подконтролен государству, а значит — и размеры заработной платы, и расценки на продукцию. Отменены и особые разрешения с места основной работы, которые ранее требовались для устройства на работу по совместительству в другие места. Появилась возможность создавать свое дело и вести его на свой страх и риск. Труд перестал быть обязательным, прекратились преследования за тунеядство, остались в прошлом обязательное ранее для всех участие в жизни коллектива (выполнение общественных и партийных поручений), а также членство в КПСС для успешной карьеры. Открылись многие из ранее "закрытых" городов и предприятий. Упростилась система выезда за рубеж. Расширился ассортимент товаров и услуг, не стало очередей и талонов. Появилась возможность бастовать, митинговать, выбирать на демократических принципах депутатов (из нескольких претендентов) и многое-многое другое. Все это, казалось, принципиально изменило социетальную свободу (именно в западном направлении) и открыло новые возможности для повышения уровня индивидуальной свободы.

Что касается индивидуального уровня, то очень высокой оказалась степень включения в *самостоятельные* социальные действия по адаптации к новым условиям, без опоры на помощь властей. Так, по данным социологических обследований, 84% респондентов признали, что сегодня чаще, чем до реформ, им приходится рассчитывать на свои силы, а не на помощь или гарантии извне; совсем немногим помогают справляться с имеющимися трудностями центральные или местные органы власти (по 1% соответственно) или руководители предприятия (3-4%).

Все эти эмпирические факты (как на социетальном, так и на индивидуальном уровне), в принципе можно было бы истолковывать как победоносное шествие российского общества к более свободному, если бы не одно "но". По данным тех же обследований, в новых условиях уровень индивидуальной свободы у весьма многочисленной части населения не увеличился, а напротив, уменьшился. В сельской местности и небольших городах эта часть особо велика и устойчиво достигает 68-73%. Даже в крупнейшем городе российской провинции — Новосибирске в настоящее время она достигает почти половины (47 против 18% повысивших уровень своей свободы в новых условиях).

Такая ситуация сегодня чаще всего трактуется как "неготовность к свободе", "неспособность быть свободными, нести бремя взрослого человека", "бегство от свободы", "болезненная непереносимость свободы", вплоть до диагноза — "обреченности российских граждан на вечную несвободу". Но действительно ли это так? А если и так, то можно ли как-то приостановить столь сильное "бегство" от "западной свободы"? И нужно ли это делать?!

Прежде чем делать какие-либо заключения необходимо как минимум ответить на два принципиально важных вопроса.

Первый касается взаимосвязи между независимостью и самостоятельностью, с одной стороны, и индивидуальной свободой — с другой. Независимость и самостоятельность внутренне присущи природе новых прав, какие бы права для примера мы ни взяли — экономические или политические. И именно через этот (очевидный с точки зрения западной общественной традиции) механизм новые права призваны были повысить уровень индивидуальной свободы россиян. Вопрос, однако, состоит в следующем: насколько верно для современного российского общества, следуя западной общественной традиции, рассматривать независимость и самостоятельность неизменными элементами и условиями *индивидуальной* свободы? Какие смысловые образы свободы (индивидуальной и социетальной) сегодня в нашем обществе в принципе наиболее распространены? Какие элементы в них преобладают — экономические, политические или какие-то еще? Как часто на практике используются (а если не используются, то, почему) новые социально-экономические и политические права для увеличения (сохранения) индивидуальной свободы?

Второй — действительно ли за новыми ролями (правами) сегодня скрываются именно те отношения, которые предполагает западная общественная традиция? Не являются ли новые роли (а вместе с ними и формирующаяся в России социетальная свобода) "западными" больше по форме, чем по содержанию? То, что традиционная для советского общества "административно-командная" свобода в новых условиях обрела существенно новые черты, вряд ли, вызывает сомнение. Но так ли это на самом деле, что она качественно переродилась? Если да, то во что именно? И каковы исходя из всего этого, возможные перспективы движения российского общества к более свободному?

Попытаюсь показать, что: а) провозглашенное движение к западной институционально-правовой свободе и б) продвижение российского общества к более свободному (как понимают свободу сегодня большие группы его членов) — два разных процесса, которые требуют разных условий и разного времени для своей реализации. Судя по набору важнейших стратификационных шкал, по доминирующим образам индивидуальной свободы и по действительным изменениям в системе социальных отношений, которые скрываются за новыми экономическими и неэкономическими ролями, в перспективе сохранится существенный разрыв между этими процессами. В принципе большие группы и слои российского общества сегодня находятся в таких условиях, что способны почувствовать себя более свободными и без необходимых атрибутов западной свободы или в самом начале пути к ней. В этом смысле либерализм (особенно, в его классической версии, какую пытались реализовать

отечественные реформаторы) пока не является единственным (и тем более неизбежным) путем перехода российского общества к более свободному (как понимают свободу большие группы его членов). По крайней мере, в ближайшей перспективе.

Как обнаружилось в ходе обследований, воссоздавая свои образы индивидуальной свободы, респонденты чаще всего обходились без терминов "независимость" и "самостоятельность". В открытых описаниях свободного человека феномены "самостоятельность", "выбор", "независимость" присутствовали лишь у 20% респондентов, а сами термины встречались еще реже — у 15%. Исследование социальной стратификации *в контексте свободы* показало, что это не было случайным: поле индивидуальной свободы в настоящее время лежит в пространстве преимущественно *социально-экономическом*, а не в политическом или юридическом. В динамику индивидуальной свободы наибольший вклад вносят (и в ближайшее время будут вносить) материальная ось (ее назвали 77% респондентов) и ось стабильности жизненных позиций (70%). На втором месте — профессионально-трудовая и образовательная оси (54 и 58% соответственно). Наличие денег, работы и обеспечиваемая ими стабильность жизни — вот главные признаки свободного человека в представлении самой многочисленной группы сегодня. На третьем месте — безопасность жизни (45%), возможность получить хорошую медицинскую помощь (43%) и улучшить жилищные условия (41%).

Что касается самостоятельных и независимых от властей социальных действий и состояний (а именно они необходимы для успешной институционализации новых прав), то пока в большинстве случаев они лежат за пределами области актуальной социальной свободы. Ось самостоятельности значима лишь для 36% респондентов трудоспособного возраста, а противодействие несправедливым действиям руководства, рост независимости от произвола властей вообще оказалась на предпоследнем месте, набрав всего 9% голосов. Примечательно, что в сельской местности наблюдалась аналогичная картина (33 и 6% соответственно).

Более детальное социологическое изучение взаимосвязи между индивидуальной свободой, с одной стороны, и независимостью и самостоятельностью — с другой, свидетельствует о том, что в современном российском обществе связи между этими феноменами более многообразны, чем допускает западная общественная и научная традиция. Независимость, как и самостоятельность, может быть: 1) *элементом* свободы (нет независимости или самостоятельности — нет и свободы); 2) *способом* ее увеличения в *данных* условиях и обстоятельствах; 3) *ограничителем* свободы. В действительности в каждый момент времени имеют место все три связи: для одних индивидов и групп больше характерна одна связь, для других — другая или третья, причем со временем эти связи могут перетекать одна в другую.

Оказалось, что сегодня в большинстве случаев независимость и самостоятельность не рассматриваются ни элементами индивидуальной свободы, ни способами ее увеличения (сохранения). Отчасти за этим скрывается феномен отложенного спроса на подобные действия и состояния (ибо, как справедливо заметил Й.Элстер, "права человека немногого стоят, если они не подкреплены минимальным уровнем благосостояния"). Но только отчасти. Как показало обследование, в настоящее время в большинстве случаев самостоятельность и независимость вообще не связываются с индивидуальной свободой. Так, только 30% горожан трудоспособного возраста считают, что "свободный человек тот, кто действует по собственной инициативе и на основе собственных сил", в то время как более половины (55%) придерживаются иного мнения: "Свободный человек тот, кто *сам* решает, как ему действовать — по собственной инициативе или нет, на основе собственных сил или нет". Иными словами, в современных условиях многие индивиды могут ощущать себя вполне свободными, даже если будут действовать несамостоятельно, но при условии, что этот выбор они сделают сами. Что это означает?

Это свидетельствует, во-первых, о том, что говорить сегодня об индивидуальной свободе исключительно в терминах самостоятельности и независимости, значит существенно усечь имеющиеся у большинства членов российского общества образы свободного человека и сильно их исказить. Какими бы "неправильными" или "уродливыми" ни казались эти образы ученым-экспертам, они отражают состояние массового сознания в данных экономических и социально-политических условиях, особенности национальной культуры, результаты аккумуляции социального опыта (своего и других) и пр.

Во-вторых, это означает, что в нашем обществе интеграция самостоятельности и независимости со свободой возможна только в том случае, если они станут более эффективными (по сравнению с менее самостоятельными и более зависимыми социальными действиями и состояниями) *способами* достижения действительно важных в данный момент целей (ценностей) — в первую очередь, как мы видели, — социально-экономических. Однако в современных условиях этого чаще всего не происходит.

На одну из главных причин указывает анализ *трансформации ограничителей свободы в реформируемом обществе*. Были проанализированы ограничители свободы по десяти основаниям, которые отражали как объективные, так и субъективные особенности кардинально меняющегося общества. Среди них были ограничители старые и новые; постоянные и временные; естественные и искусственные; социетальные, социальные (статусные) и личные; вынужденные и добровольные; юридические и моральные; вертикальные и горизонтальные; реальные и мнимые (ложные); основные

(базовые) и неосновные (второстепенные); осознаваемые и неосознаваемые.

Анализ структуры современных ограничителей свободы показывает, что расширение их спектра в условиях смены типа общественной системы в принципе *неизбежно*: оно произошло бы при любой политике глубинного реформирования. Однако в ходе современных реформ многие ограничители свободы были усилены *искусственно*. Их могло бы не быть или они были бы не столь существенными при иных приоритетах государства в структурной, инвестиционной и правовой политике, а также иной его роли в области убеждения-разъяснения. Ведь преодолевать сложный клубок прежних, новых и "переходных" ограничителей свободы или как-то адаптироваться к ним приходится индивидам, знающим об обществе с рынком и демократией лишь понаслышке или не знающим о нем до сих пор ничего; индивидам, социализировавшимся в прежних условиях, когда востребовались другие индивидуальные качества, усваивались иные способы решения возникающих проблем. Так, в ходе сельских обследований обнаружилось, что спустя три года после начала реформ 45% респондентов признали, что не понимают, что такое рынок, к которому хотят перейти реформаторы.

В целом 84% трудоспособных жителей сел и малых городов и 60% трудоспособных жителей крупного города указали, что за годы реформ жизненных препятствий, которые преодолеть им пока не под силу, стало больше. Тем более, что большие группы индивидов столкнулись с новой системой ограничителей свободы в условиях, когда имеющиеся у них *способы* преодоления этих ограничителей постоянно подрывались самими же властями (утрата сбережений на входе и в процессе реформ, задержки с выплатой заработной платы от полугода до 2-3 лет, невыполнение государством своих обязательств за сданную продукцию, трудности получения кредитов и пр.).

В таких условиях однонаправленность динамики самостоятельности и свободы проявляется чаще всего тогда, когда самостоятельность представляет собой важнейшую жизненную ценность и цель социальных субъектов, а не способ достижения других более значимых целей; когда ради обретения большей самостоятельности люди готовы на определенные потери, на новые ограничители и новые усилия по их преодолению. Такое мнение можно слышать от представителей творческих профессий: "Я стал независим от ряда социальных гарантий, от спокойного сна, иными словами, от уверенности в будущем. В обмен я получил свободу, или зависимость от самого себя. И я не променяю ее ни на что". Но таких людей меньшинство.

Степень включения населения в самостоятельные социальные действия, без опоры на помощь властей, уже сейчас велика. Но этот рост самостоятельности, во-первых, пока не привел к увеличению

индивидуальной свободы, являясь в большинстве случаев не добровольным, а вынужденным (57 против 25%). Во-вторых, не стал он и средством претворения в жизнь элементов новой *социетальной* свободы. Так, только 8% респондентов трудоспособного возраста проявили активность и несмотря ни на что уже воспользовались всеми важными для них правами, 19% не видят особых препятствий, просто пока не успели сделать это. В то же время многие респонденты (42%) не воспользовались важными для них правами из-за того, что у них самих нет возможностей сделать это (нет достаточных денежных накоплений, возможностей взять кредит, связей в деловом мире и др.). Еще 24% в качестве барьера назвали отсутствие надежных правовых механизмов защиты их интересов со стороны государства (в сельской местности — 41%), 23% — уверены в том, что новые (и важные для них!) права существуют лишь "на бумаге", в действительности пока нет условий для их реализации (в сельской местности — 45%). В-третьих, рост самостоятельности превысил нормальные пределы в том смысле, что сегодня самостоятельное решение проблем зачастую распространяется и на те сферы, где оно всецело находится в компетенции властей и в общем не должно было бы быть самостоятельным (например, защита нарушенных законных прав).

В принципе не исключено, что даже современная — в значительной степени вынужденная и "искаженная" — самостоятельность со временем в конце концов приведет к росту индивидуальной свободы. Но произойдет ли при этом интернализация западной социетальной свободы или установится какой-то иной тип институционально-правовой (или неправовой) свободы, будет зависеть от того, какие *типы социальных взаимодействий* институционализируются "под шапкой" современных ограничителей индивидуальной свободы, а значит, какие типы социальных отношений будут в дальнейшем доминировать. Постоянное воспроизводство того или иного ограничителя свободы само по себе указывает на то, что определяющие его социальные взаимодействия становятся устойчивым элементом новой системы социальных отношений.

В связи с этим необходимо указать на две характерные особенности современной системы ограничителей индивидуальной свободы. Одна состоит в доминировании *вертикальной* составляющей, основанной (прямо или косвенно) на отношениях господства — подчинения, которые были базисными в "административно-командной" системе и, казалось, должны были отступить на второй план в новых условиях. Вторая — в доминировании *неправового социального пространства*, где реализуются и еще более усиливаются ограничители свободы всех видов, включая и вертикальные.

О том, что российское общество слабо продвинулось к западной институционально-правовой свободе свидетельствует, в частности, то, что власти разных уровней в массовом порядке нарушают за-

конные права рядовых граждан (за последние три-четыре года с нарушением прав властями разных уровней столкнулись 89% респондентов: 59% указали на центральные власти, 45% — на руководителей предприятий, организаций, фирм, по 35% набрали местные органы власти и органы правопорядка (милиция, ГАИ, прокуратура и др.). Причем сегодня ситуация такова, что среди нарушителей прав граждан органы правопорядка встречаются почти вдвое чаще, чем нарушители правопорядка, с которыми они призваны были бороться (35 против 19%). Однако столкнувшись с нарушением своих прав властями, рядовые группы либо опасаются им противодействовать (75%), так как уверены в том, что если их законные права нарушит человек, у которого больше власти (чем у них), то отстаивание этих прав еще более ухудшит их положение. Либо, противодействуя, редко достигают успеха (в 3-14% случаев).

Когда предпринимались какие-либо действия по восстановлению своих законных прав (66%), у абсолютного большинства (73%) они были чаще всего или всегда безуспешными. Успех в основном сопутствовал тем, кто подвергся нарушению своих прав не в вертикальных, а в горизонтальных социальных взаимодействиях. Отстоять же законные права, если их нарушают руководители того или иного уровня, удавалось немногим: только в 2-3% случаях — при нарушении права на своевременность выплаты заработной платы или детских пособий; в 14% — при несправедливом увольнении или угрозе увольнения в ответ на попытку заявить о своих законных правах; 8% — пострадавшим от несоблюдения руководством законов в области режима, условий труда, техники безопасности. Из числа пострадавших из-за незаконных действий органов правопорядка сумели восстановить свои законные права лишь 6%.

Не случайно почти половина работников указали, что за годы реформ их зависимость от руководителя предприятия (фирмы, организации), где они работают, еще более возросла (10% — что она снизилась); 41% указали на рост своей зависимости от политики властей, центральных и местных (и лишь 13% — на ее снижение).

Иными словами, отношения *господства — подчинения* не сдали своих позиций: в новых условиях они скрываются под новыми одеждами, но, как и прежде, пронизывают каждую клеточку общественного организма. Более того, усиление *неправовых* аспектов вертикальных социальных отношений делает последние еще более унижительными для рядовых граждан, чем прежде.

На примере феномена *неправовой свободы* и оказываемого ей противодействия особо отчетливо видно, что в ходе современных реформ самостоятельность россиян не только возросла, но уже вышла за нормальные (с точки зрения западной общественной традиции) границы. Не надеясь на власти, люди сами пытаются защитить свои права, но делают это либо на индивидуально-семейной, либо на неформальной основе. Наиболее массовые помощники —

друзья и родственники (26 и 25% соответственно). На помощь органов правопорядка сегодня рассчитывают 10-12% респондентов, но ее почти догоняют неформальные силовые структуры (10%).

Законные права, в том числе и новые, сегодня часто утверждаются и отстаиваются старыми способами — на основе унаследованных от административно-командной системы моделей решения проблемных ситуаций. Иными словами, даже активные, сильные социальные субъекты, желающие воспользоваться новыми правами, часто вынуждены добиваться положенного им по закону, выступая в роли просителей перед господами-чиновниками, т.е. не в ходе основанных на законе взаимодействий равноправных субъектов, а на основе личных договоренностей (улаживаний), когда одна сторона "просит", "умоляет", "подносит", а другая — "соизволяет", "делает милость", "повелевает", "постановляет". К тому же властные элиты в ходе реформ, как известно, в значительной степени сохранили свой состав и весьма преуспели в воспроизводстве прежних моделей вертикальных отношений в новых условиях.

Какие же способы защиты своих прав респонденты сегодня находят более эффективными для людей своего положения и круга? Многие вообще не видят никаких способов: 36% — в городе, 59% — в селе.

Большая часть (42%) открыто признала: скорее, обход законов, чем следование им ("нужда закона не знает", "нужда закон нарушает", "государство сильнее, а бизнес хитрее"), в том числе 19% высказались за сочетание незаконных способов с законными. Причем 62-65% не осуждают людей, которые сегодня прибегают к мелким хищениям с производства, совхозного поля. И только 26-29% все еще твердо убеждены, что "законы превыше всего", а потому уповают исключительно на законопослушные способы восстановления нарушенных прав. Среди незаконных средств восстановления своих прав велика роль материального компонента. Почти половина (47%) респондентов к числу наиболее эффективных способов защиты прав отнесла деньги ("все продается и покупается", "за правду плати и за неправду плати"), и только 24% опрошенных твердо уверены в том, что "берут у того, кто дает" и что можно отстоять свои права и без денег (или других подношений). Массовые формы открытого протеста (забастовки, митинги, собрания и др.) не очень популярны. Только на них указали 20% респондентов, а на их сочетание со скрытым противодействием — еще 9%. Примечательно, что скрытое противодействие по принципу "и тихая вода крутые берега подмывает" (менее интенсивный и качественный труд, уход от дополнительных нагрузок, протест при тайном голосовании и др.) признается еще менее эффективным. На этот некогда популярный способ сегодня указали лишь 12% респондентов. Сейчас работники гораздо чаще предпочитают либо демонстрировать открытую лояльность руководителям, не портить с ними отноше-

ний, чтобы не потерять работу (17-21% — в городе, 34-38% — в селе), либо просто терпеть и ожидать, что со временем все наладится (31%).

В этих условиях многие из новых прав и свобод (включая свободу выражать свои взгляды, отстаивать убеждения, право на забастовку, митинги, акции протеста и др.) остаются весьма далекими от реального жизненного пространства индивидов. Даже такими из прав, которые, на первый взгляд, легче всего "пустить в ход", воспользовались относительно небольшие группы. В частности, свободой выражать свои взгляды пользуются или уже воспользовались только 20% селян и 31% горожан из числа тех, кто находит это право важным.

Современная "свобода по-русски" — это некий гибрид прежней (административно-командной) и новой свободы, в котором прежняя социетальная свобода видоизменилась за счет усиления неправового и непроизводительного элементов, а новая (рыночная и демократическая), формируясь в условиях произвола и безнаказанности, обретает существенные признаки, отличные от западной социетальной свободы. Современную социетальную свободу в России можно определить как неправовую и "незаконопослушную" (в гражданском плане), в значительной мере сохранившую прежние административно-командные зависимости, где властвует не закон, а личные предрасположенности, распоряжения, улаживания, неформальные связи и др. (в экономико-политическом плане); как непроизводительную, больше способствующую торгово-финансовой, чем производственной активности (в структурно-отраслевом плане).

В результате отрицательная динамика индивидуальной (групповой) свободы чаще всего наблюдается вовсе не потому, что все более прочные позиции занимает западная социетальная свобода. Проверка общества западной свободой — дело будущего и, судя по всему, достаточно отдаленного. Тем более, что в ходе самостоятельных адаптаций разных групп к новым условиям уже сложился ряд механизмов, который препятствует институционализации и интернализации новых прав. Принимая во внимание бессилие и безучастность государства, ослабление институционально-правовой и разрушение производственной систем за годы реформ, можно признать, что сегодня у российского общества шансов продвинуться к западной институционально-правовой свободе стало еще меньше, чем в начале реформ.

Однако это вовсе не означает автоматического (и пропорционального) снижения шансов российского общества стать более свободным в том смысле, как чаще всего понимают свободу большинство его членов. Напротив, как раз здесь благоприятные перспективы более вероятны. Во-первых, планка в данном случае не столь высока, как у западной институционально-правовой свободы, а во-

вторых, точка отсчета, крайне низкая и в дореформенный период, за годы реформ еще более снизилась и, находясь на низком уровне продолжительное время, стала привычной для большей части общества. Подчеркну, что феномен "привыкания к худшему" — важный элемент современных регрессивных адаптаций. Более того, в новых условиях социализировалось уже целое поколение молодежи, склонное воспринимать нынешнюю точку отсчета как саму собой разумеющуюся данность ("Нам не с чем сравнивать"). Так что любое продвижение вверх в значимом жизненном пространстве не останется незамеченным, и будет восприниматься как расширение уровня индивидуальной свободы и молодыми, и более старшими группами.

Каковы же перспективы институционализации и интернализации провозглашенных в ходе реформ прав, которые по природе своей предполагают включение индивидов в самостоятельные и независимые действия и состояния? Относительно невысокая значимость самостоятельности и независимости — даже на фоне демонстрируемой лояльности населения к либеральным правам, — указывает на то, что при сохранении нынешних условий эти права еще долго будут занимать второстепенное место в поле *актуальной* индивидуальной свободы или же вообще находиться за его пределами.

В перспективе шансы на интернализацию новых прав будут тем выше, чем больше они будут способствовать продвижению индивидов на действительно значимых для них осях (преимущественно социально-экономических). Важно, чтобы индивиды быстрее достигли таких позиций на них, которые создадут им своеобразный тыл, позволяющий оторваться от материально-бытовых проблем и нищеты и по заслуге оценить новые права, а вместе с ними — самостоятельность и независимость в их западном понимании. В этом смысле либерализация российского общества в западной трактовке этого слова может произойти лишь по мере и на основе его подлинной либерализации, соответствующей пониманию свободы самими россиянами.

На *ценностно-деятельностном* уровне пока сохраняется потенциал и для интернализации западных прав, и для роста самостоятельности как самоценного состояния и способа увеличения (сохранения) индивидуальной свободы. Во-первых, еще далеко не все желающие воспользовались новыми правами, а во-вторых, не все воспользовавшиеся ими имеют возможность отстоять полученные и важные для них права законными способами. В результате велика доля тех, кто включается в неправовые действия вынужденно и испытывает от этого внутренний дискомфорт. В то же время более половины респондентов отметили, что чувствуют себя комфортнее, когда имеют возможность действовать самостоятельно, обходиться без помощи других людей и ни от кого не зависеть. Даже среди проживающих в сельской местности 88% респондентов предпочли, чтобы их дети в новых условиях были самостоятельны-

ми, стремились всего достичь собственными силами и не зависеть от кого-либо

Будут ли в перспективе разные группы активнее обращаться к новым правам, покажет время. При сохранении существующих условий ценностно-деятельностный потенциал для интернализации новых прав так и останется нереализованным, а потенциал для роста самостоятельности, если и реализуется, то, вероятнее всего, в неправовом социальном пространстве, способствуя дальнейшему воспроизводству институционально-Неправовой свободы.